

Ночной реквием Джона Зорна

В Московском дворце молодежи (МДМ) выступил общепризнанный лидер американского джазового авангарда саксофонист Джон Зорн со своим септетом Electric Masada (Марк Рибо, гитара, Икуэ Мори, персональный lap-top, Тревор Данн, бас и три исполнителя на ударных – Сиро Баптиста, Джои Бэрон и Кенни Уоллесон). Среди российской музыкальной богемы Зорн наряду с Томом Уэйтсом является одним из культовых музыкантов. За последние годы о его возможном приезде много говорилось, пока в конце концов не сложилось мнение: “Этот музыкант не приедет к нам никогда.” Но он все же приехал.

За долгие годы активной музыкальной деятельности Зорн выпустил невероятное количество записей (свыше двухсот альбомов). С ним играли новаторски настроенные музыканты со всех концов света: от японских хардкоровых групп до наших Сергея Курехина и Валентины Пономаревой. Но вот загадка: музыкант, исполняющий сложную, часто жесткую или даже хищную музыку, невероятно популярен (перед концертом в МДМ “лишние билетники” спрашивали, начиная от станции метро “Фрунзенская”...). В чем харизма этого с виду скромного человека? Версия самого Зорна: “Моя музыка – искусство без границ. Ее цель – контрасты, внезапное чередование акустических и электронных звучаний; создание такой формы, которая соответствовала бы калейдоскопу событий в нашей жизни”... И еще: “У меня репутация тирана”. Его композиции вызывают бури аплодисментов, но порой и негодующие свистки и шиканье. Перед концертом в Филадельфии, где был представлен только что вышедший диск *Spy Vs. Spy* (“Шпион против шпиона” – зорновская версия музыки отца фри-джаза Орнетта Колмана), на сцену вышел продюсер, который извинился за звуки, которые аудитории предстояло услышать. Извинения не помогли. Во время концерта разбушевавшиеся слушатели ломали стулья и били стекла.

Ну а московская программа? Яркая, неожиданная, хотя порой тягучая и монотонная. Я различил в ней три среза. Первый – воспоминания о золотых днях фри-джаза, об эстетике (и бешеной энергетике) Колтрейна, Орнетта Колмана, Арчи Шеппа, Джона Чикаи, Джулиуса Хемфилла из *World Saxophone Quartet*. Вступительный номер – kloчочущие ритмы

Дж. Зорн

тройки барабанщиков, потом стоны, крики, космические вспышки (глицсандо саксофона в запредельно высоком регистре). Уханье, взвизгивания, стоны, хлюпанье, рычание, хрипы, гулы, гуды. Модная сегодня “Нойс” (музыка шумов). Клавишница-японка Икуэ Мори обрабатывает в реальном времени, запоминает и преобразует звуки барабанов, саксофона, гитары – и мы слышим свист и шум ветра, накатывающие волны морского прибоя, уханье филина или волчий вой... Второй срез – монотонные рок-ритмы... “Прогрессивный рок” 70-х – это та музыка, на которой Зорн воспитывался и рос. Третий – Восток. Лад с цепочкой увеличенных секунд, попевки, знакомые по арабскому, турецкому, израильскому фольклору, по испанскому фламенко. Четвертый – “нормальные” тональные мелодии, лирика, мечтательность – импрессионистские полутона, хрупкие и таинственные...

Зорн закончил свою программу композицией, посвященной памяти недавно ушедшего из жизни арт-директора культурного центра “Дом” Николая Дмитриева, человека, с которым американский музыкант был давно уже заочно знаком. Этот маленький “ночной реквием” – дивное звуковое кружево, сотканное из серебристых переборов гитары Марка Рибо и рояля Джейми Сэфта... И даже саксофон Зорна звучал здесь не так, как на старте концерта, – нежно и певуче.

Аркадий ПЕТРОВ

Культура. – 2004. – 20-26 июля. – с. 13